

«НА ПОЛНУЮ МОЩНОСТЬ»

«22 июня. Рейс «Омск — Салехард».

13.00. Проведен коммунистический субботник. Решением общего собрания дневной заработок экипажа будет переведен в фонд ликвидации последствий урагана в Ивановской, Костромской и Ярославской областях».

[Запись из судового журнала].

ЭТО был первый день рейса на Салехард. Все работали тогда как-то по-особому жаростно и весело. Поливали из брандсбойдов палубу и надстройки, орудовали швабрами и щетками — после вчерашней угольной загрузки, проходившей на ветру, было к чему руки приложить.

Все хорошо трудились. Но все-таки из всех стенгазета отметила троих самых лучших — матроса Галину Панову, боцмана Юрия Батурина и практиканта Андрея Колесникова. Что ж, все правильно, у каждого из этих троих была своя особая причина работать «на полную мощность». Галина знает, что, если останется грязной палуба, это скажется на чистоте в коридорах, каютах, рубке, кают-компании. Юрию, палуба для которого, можно сказать, — главное рабочее место, тоже было не след ходить в тот день в «середнячках». Андрей же сам ярославский, из города Андропова. Провести такой субботник предложили комсомольцы. Их большинство в коллективе: девять из четырнадцати членов команды.

Секретарем комсомольской организации избран Олег Буторин. В свои 22 года он уже опытный рулевой-моторист, бывалый реч-

Наш корреспондент Александр ЛЕЙФЕР побывал в рейсе Омск — Салехард — Самбург — Тазовское. В путевом очерке рассказывается о трудной и напряженной работе омских речников.

ник и моряк. В последнем я не оговорился — именно и то, и другое. После восьмого класса Олег закончил училище при Омском судоремонтно-судостроительном заводе и две навигации на действительную службу — во флот. Дослужился до старшины второй статьи. Писал письма на родной теплоход, рассказывал о службе, о том, что ему гораздо интересней и легче, чем ребятам, начинающим все с азав. После демобилизации долго не сомневался — вернулся «домой», на «Морской-5». Хочет после этой навигации просить у капитана рекомендацию в школу командного состава при заводе. А в перспективе — техникум.

Олег — неторопливый, основательный, немногословный человек. Чувствуется в нем — какая-то особая надежность. И не только штурвал, но и всякое другое дело у него из рук, что называется, не выпадет.

Вообще, впечатление такое, что здесь все умеют все. Универсальности, взаимозаменяемости требует сама сущность профессии

речника. В рейсе не остановишься и не пригласишь с берега того или иного специалиста. Старшего помощника капитана Анатолия Николаевича Храполя я, допустим, видел не только в рубке подающим команду вахтенному рулевому или за штурманским столиком, прокладывающим курс на карте, но и в кабине подъемного крана, за штурвалом катера во время стоянок, да что там говорить — за швейной машинкой, когда нужно было подрубить новые шторы на иллюминаторы, с совковой лопатой в руках, когда шла аварийная зачистка трюмов при выгрузке угля в Самбурге...

Здесь, действительно, все умеют все, и никто никаким трудом не гнушается. Не случайно же существует такое понятие — матросская выручка.

Любят на судне спорт. Ухитряются даже в баскетбол играть в пустом трюме. Во время вынужденной тазовской стоянки быстренько организовали импровизированный бассейн: в губе не очень-то похвально, а все. Универсальности, взаимозаменяемости требует сама сущность профессии — помост для занятий

тяжелой атлетикой: гантели, штанга на стойках и гири такой величины, что мне показалось — от одного их вида заняла поясница. У здешнего же народа поясницы, как я понял, не ноют — ни на помосте со штангой, ни во время работы, которая иной раз бывает потяжелее толчков и жимов. Ну, а коли так, то как тут не привести шутовскую поговорку «Флот любит сильных, сильный любит поест»?

Кок на «Морском-5» — Светлана Парфенова. Это ее первая навигация. Закончила Омское торгово-кулинарное училище, работала в столовой. Светлана — прирожденный повар. Кормит изобретательно, с душой, без общепитовской казенщины. Есть в здешнем меню и свои традиции. Завтрак — чай и хлеб с маслом (того и другого — сколько хочешь). Обед обыкновенный, как и на берегу. Ужин же опять своеобразный — обязательно первое и чаще всего что-нибудь из выпечки: блины, ватрушки, лепешки, пирожки или даже пирог, вареники, плюшки... На мучное у Светланы особый талант.

Но (увы, придется употребить «но»), окажись за судовым столом ответственный товарищ из Тюменского управления рабочего снабжения Обь-Иртышского пароходства, я бы предложил ему закончить обед не сладким Светлинным компотом, а... добрым зубчиком чеснока, который не переводится обычно за столом речников. Не переводится не от хорошей жизни. Им, ежегодно оторванным от берега на самые «зеленые», самые «витаминные» месяцы (май — октябрь), особенно необходимы зелень, свежие овощи и фрукты. Но снабжение всем этим добром оставляет желать много лучшего. Парниковый зеленый лук и парниковые же огурцы, прошлогодняя, наполовину идущая в ведро капуста, просроченный репчатый лук — вот, что имели мы в этом рейсе, закончившемся 25 июля.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Любят на теплоходе читать книги в каждой каюте.

В библиотеке, которая берется и потом меняется на Омской культуре, не одни только неудобоваримые романы, есть и много хорошего: Сергеев - Ценский, А. Толстой, «Молодая проза Сибири», Овечкин, Бакланов, Тынянов, Гарышин, Н. Чуковский... У некоторых в каюте техническая литература. Смотрят, если вечер свободный, кино. Кинопроектор «Украина» куплен вскладчину, фильмов где-то около 80 названий. Иногда, когда теплоход находится возле крупного населенного пункта, удается посмотреть и телевизор. Фотографии близких над изголовьем. Отглаженная рубашка после горячего душа. Звуки магнитофона, транзистора или гитары по вечерам. Атмосфера временности пребывания сведена здесь до минимума. Здесь живут, здесь тоже дом, как и на берегу.

Световой день постепенно прибывает. Это стало заметным уже в районе Ханты - Мансийска.

До поездки я несколько раз спрашивал бывалых людей — что такое белая полярная ночь? Все, будто стоговорившись, утверждали, что вначале человеку, впервые попавшему на Север летом, плохо спится. Я слабо верил в это, ведь приходится же иной раз спать днем — и ничего. Но когда солнце вообще перестало заходить, понял, что не верил зря. Есть что-то волнующее, слегка беспокоящее в полярной белой ночи. Она не похожа на откровенный день, не похожа на сумерки, на вечер или на утро. Она — белая ночь. И действительно не спится.

Запись, сделанная 28 июня:

«Стоим на Салехардском рейде, ждем утра. По левому борту Салехард, по правому — Лабитянги. Полярный круг проходит где-то между ними, так-что не истощенные [Окончание на 2-й стр.]».

